

СЕТЕВЫЕ АГРЕССИЯ И НАРЦИССИЗМ: ИСКАЖЕНИЯ И ЛОЖНЫЕ ПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИЧНОСТИ*

© 2018 г. О.И. Маховская**, Ф.О. Марченко***

**Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории
психологии и психофизиологии творчества

olyam@inbox.ru

Института психологии РАН

Почтовый адрес: 129366, г. Москва, улица Ярославская 13.

***Кандидат психологических наук, научный сотрудник Института образования ВШЭ
creol26@bk.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу приемов, психологических механизмов воздействия, а также социальным и психологическим последствиям кибербуллинга, оскорблений в сети. Глубина травмы больше, чем предполагалось ранее в исследованиях нарушений важных социальных связей и репутации человека. Последствия публичного оскорбления могут быть описаны в терминах нарциссического расстройства. Нарциссизм рассматривается как социальная эпидемия. Указаны некоторые наиболее очевидные способы психологической защиты от публичных оскорблений.

Ключевые слова: кибербуллинг, методы, агрессия, нарциссизм, травма, защитные механизмы, архетипы

НАРЦИССИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЭПИДЕМИЯ

Развитие новых технологий ставит новые социальные, этические и психологические вопросы. В условиях сетевой открытости, публичности формы поведения, которые описывались в терминах клинической психологии, быстро распространяются, нормализуются, и даже идеализируются. Этика и

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №. 18-013-00754.

медиаграмотность слабо контролируются самими сообществами, а тон в сети задают не эксперты, психологи, педагоги, а «звезды» – наиболее популярные блогеры, часто молодые люди без образования и опыта. Агрессивная демонстративность и высокая конкуренция за статус «звезды», стремление к доминированию в сети любыми способами, манипулятивные приемы, чтобы навязать свои вкусы и действия, могут придавать групповому поведению их последователей асоциальный характер, с последующей демонстрацией преступлений в сети, как это было, например, с хабаровскими живодерками, ивантеевским стрелком, или поножовщиной в школах Перми и Улан-Уде¹. Психологи привлекаются к анализу подобных случаев постфактум. На сегодняшний день не сложился язык описания негативных массовидных феноменов в сети, переживаний и иллюзий, которые влияют на сетевое и внесетевое поведение пользователей.

Цель этой статьи – на основании многолетнего опыта экспертизы сетевых проектов, включенного наблюдения и анализа текстов сетевого взаимодействия обозначить и соотнести такие важные характеристики сетевого поведения как нарциссизм и агрессия.

Нарциссизм принял характер социальной эпидемии и стал важным элементом образа жизни молодых. Исследования нарциссизма не связывались с феноменом сетевой агрессии, хотя и признавалось, что публичность стимулирует нарциссизм у отдельных личностей. Однако главные истоки нарциссизма искались в психологии раннего развития. Нарциссизм рассматривался как следствие патологического формирования отдельной личности даже К.Г. Юнгом, автором теории коллективного бессознательного. Фундамент формирования нарциссизма – архетипы, архаичные скрытые сценарии, как уточнил Э. Берн, последователь Юнга, автор транзакционного

¹ <http://amp.vm.ru/news/453627.html>

анализа. Плохо осознаваемая актуализация сценариев в развитии личности искажает идентичность. В отечественном литературоведении (Ю. Лотман) и психологии (Маховская, 2010) сценарии рассматриваются как культурные инструменты, которые могут не только осознаваться, но и моделироваться с помощью тех же СМИ, кино, литературы, сегодня – интернета. Очевидно, что формирование нарциссического расстройства личности может определяться сценариями разного уровня, снизу, со стороны коллективного бессознательного, и сверху, со стороны социальных представлений, стереотипов, идеологий, и совсем конкретно – через сценарии видеоигр, чатов, форумов, социальных сетей.

В силу своей неопределенности опосредованное дистантное общение является гигантской проективной методикой, предоставляющей нам в большей мере этнографический, социологический, социально-психологический материал о массовидных феноменах, а не диагностические данные об отдельных пользователях. Такие понятия как нарциссическая травма, обесценивание, расщепление, предложенные психоаналитиками разных направлений еще в прошлом веке, на наш взгляд, описывают сегодня уже процессы формирования групповой идентичности у современных пользователей. Произошло радикальное изменение представлений об интимности, интимность стала публичной, а вместе с нею, процессы, которые протекали скрыто, за кадром, стоили большого напряжения, сдерживались стыдом и чувством вины, стали объектом групповой манипуляции и контроля. (Отдельная тема – экономический и политический интерес к сетевому сообществу со стороны корпораций и партий).

Социальные сети придают любому, даже сомнительному с моральной точки зрения, действию, характер грандиозности. Теперь участников взаимодействия уже не называют пользователями, как в эпоху примитивной электронной почты, или акторами, как в эпоху телеконференций и первых групповых видеоигр с ограниченным количеством участников. Теперь они –

потенциальные «звезды» с многомиллионной аудиторией. Такая диспозиция сама по себе стимулирует нарциссизм с его градиозно-эксгибиционистской природой.

НАРАСТАНИЕ СЕТЕВОЙ АГРЕССИИ

Оптимистические взгляды на роль сетевого общения среди молодых, уверенность, что оно помогает справиться с одиночеством и является источником формирования новых положительных идентичностей (Gray, 2011), сопровождается тревожными данными о росте сетевой агрессии (Barlett, Gentile, Nanyang, 2014), указывается, что девушки ведут себя даже агрессивней, быстрее распространяя компрометирующую информацию (Barlett, Coyne, 2014).

Онлайн-опрос, проведенный среди жителей США компанией Vital Smarts в 2013 году, показал, что 78% респондентов старше 18 лет отметили «спад в уровне цивилизованности общения» и возрастающую грубость на таких сайтах, как Facebook и Twitter, что в некоторых случаях приводило к ссорам между членами семьи и друзьями из реальной жизни.

Осенью 2012 года разгорелся скандал вокруг социального новостного сайта Reddit, которой ежемесячно пользуется более 19 миллионов человек. Один из подфорумов с говорящим названием Creepshots был полностью посвящен размещению, распространению и обсуждению фотографий молодых женщин и несовершеннолетних девочек, опубликованных в сети без их разрешения. Расследование, опубликованное интернет-изданием Gawker, установило, что создателем подфорума являлся 49-летний программист. Публикация расследования имела серьезные реальные последствия для автора этих форумов. Он был уволен с работы и лишился средств для ухода за своей супругой-инвалидом. Случившееся привело к острой дискуссии между сторонниками свободы слова, считавшими, что она должна распространяться и

на обсуждения в интернете, и теми, кто призывал отстаивать права девушек, чьи фотографии были выложены в сеть без их согласия².

В 2011 году в центре внимания общественности оказалась группа в социальной сети Facebook, созданная сотрудниками полиции Нью-Йорка для обсуждения их обязанностей во время ежегодного праздника West Indian Day, который обычно отмечается жителями Бруклина. Группа была названа «NoMoreWestIndianDay» и содержала непозволительные обращения к этнической группе («дикари», «животные» и т.п.). Среди комментариев встречались и откровенно экстремистские призывы: «Сбросить бы на них бомбу!» и «Пусть они поубивают друг друга!». Среди 1 200 участников группы имена шестидесяти совпадали с именами действующих полицейских. Среди участников были служащие и других городских служб, в частности, пожарных нарядов. Юристы успели сделать цифровую копию содержания группы до того, как она была удалена одним из участников. По итогам разразившегося скандала дисциплинарным мерам подверглись 17 сотрудников полиции⁸³.

Один из наиболее громких случаев использования интернета для унижения конкретных людей произошел в августе 2012 года в Стеубенвилле, штат Огайо, США. Несколько игроков школьной команды по американскому футболу совершили действия сексуального характера в отношении девушки-подростка, потерявшей сознание в результате сильной алкогольной интоксикации. Несколько свидетелей происходящего сделали фотографии и видео произошедшего и выложили их в социальные сети Instagram, Facebook и Twitter. Один из комментариев гласил: «Без сомнения песня вечера – «Rare Me» группы Nirvana. На YouTube было выложена двенадцатиминутная видеозапись происходящего. Родители молодых людей и их тренеры попытались замять историю, придать

² <http://gawker.com/5950981/unmasking-reddits-violentarez-the-biggest-troll-on-the-web>

^{3 8} <http://www.nytimes.com/2011/12/06/nyregion/on-facebook-nypd-officers-malign-west-indian-parade-goers.html>.

случившемуся обычный характер, однако цифровые свидетельства были слишком шокирующими⁴.

Подобные цифровые материалы позволяют не только детально рассмотреть феномен насилия. Их публикация нормализует насилие в сети. К сожалению, некоторые случаи злоупотребления возможностями цифровых технологий заканчиваются трагически. Так, в сентябре 2010 года, студент Ратгерского университета Тайлер Клементи (Tyler Clementi) покончил с собой, сбросившись с моста имени Джорджа Вашингтона в Нью-Йорке. Расследование этого происшествия установило, что, Дарун Рави (Dharun Ravi) сосед по квартире молодого человека тайно установил веб-камеру в комнате погибшего и два раза вел интернет-трансляции того, как Клементи занимался сексом с другим мужчиной. Более того, Рави распространял ссылки на трансляцию среди своих друзей при помощи Twitter. В марте 2012 года он был признан виновным и получил большой срок⁵.

Унижения, преследования, агрессия в сети получили уже устойчивые названия – cyber bullying (в отношении детей и подростков) и cyber harassment (в отношении взрослых). Многие отрицательные феномены личного общения проявляются в сети: с одной стороны, стремление выглядеть в лучшем свете (выстраивание флюидной или идеальной идентичности), нарциссизм, «поддакивание» и систематическое «лайкание» постов в референтной группе с подтверждением групповой идентичности, с другой стороны, агрессивность, попытки разрушать коммуникацию или манипулировать ее участниками, преследование и оскорбления в адрес «чужаков», прямые угрозы, демонстрация деструктивных или манипулятивных наклонностей, приемов, которые по праву относят к «кибербуллингу» (Solove, 2007; Маховская, 2010). Выросла и

⁴ <http://www.nytimes.com/2013/03/18/us/teenagers-found-guilty-in-rape-in-steubenville-ohio.html>

⁵ <http://www.nytimes.com/2012/05/30/nyregion/dharun-ravi-convicted-in-webcam-spying-apologizes-before-going-to-jail.html>.

актуальность психологической защиты и предупреждения последствий сетевой агрессии (McWilliams, 1992; Twenge and Campbell, 2010). В отечественной психологии наиболее изучена проблема стресса, совладания, выгорания в критических условиях (Стресс, выгорание,..., 2012), предупреждения последствий деструктивных религиозных культов, или террористических угроз (Нестик, Соснин, 2008), однако сетевая агрессия остается малоизученной.

ВИДЫ КИБЕРБУЛЛИНГА

Понятие кибербуллинга ввел норвежский психолог Ольвеус в 1993 году, определив его как систематическое преследование, создающее неравенство власти и силы (Olweus, 1993).

Кибербуллинг, под которым понимают совокупность способов разрушения коммуникации и оспаривания идентичностей других людей, а по форме – систематическую травлю, провоцирование и терроризирование отдельных участников или групп, насчитывает более десятка форм. Среди них – флейминг (оскорбления с переходом на личности), кибермоббинг (преследование, осуществляемое группой людей), троллинг (подстрекательство к агрессивному поведению), гриферство (помехи в видеоиграх), секстинг (публикация материалов интимного содержания), video-recording of assaults/happy slapping and hopping (нападение группы подростков на сверстника, которого они выбрали в качестве жертвы, с последующим размещением записи в сети, чтобы усилить у жертвы чувство стыда и страх отвержения). Разновидностью кибербуллинга является outing and trickery, под которым прежде понимали разоблачение гомосексуалистов, а потом – публикацию любой конфиденциальной информации гомосексуального характера. Еще один популярный метод оскорбления в сети носит название impersonalization, когда от имени самого участника распространяется информация или суждения, которые его компрометируют (Willard, 2007; Бочавер, Хломов 2014).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПУБЛИЧНЫХ ОСКОРБЛЕНИЙ

Несмотря на распространенность явления, остаются малоизученными его психологические последствия как для жертв, так и для преследователей, инициаторов и исполнителей агрессивных демаршей в сети. В отличие от простого, в лицо, оскорбления, и даже в отличие от скандальных публикаций в традиционных СМИ, сетевая агрессия остается анонимной, неопределенной по намерениям, непредсказуемой по последствиям. Преследователь (агрессор) остается относительно неуязвимым. Анонимность источника агрессии повышает тревожность жертвы кибербуллинга. Когда жертва не знает, кто именно и сколько человек ведет войну, ей трудно предсказать и предупредить последствия. Анонимность затрудняет наказание агрессора и приводит к его растормаживанию (*disinhibition*), когда он уже не может остановиться (Kowalski et al., 2011).

Сетевая публичность стимулирует нарциссизм. Ему более подвержены дети, у которых пока не сложились защитные механизмы, спасающие формирующееся, но пока слабое Я от агрессивных атак и интервенций. Виртуальный мир по определению исключает телесный контакт, спонтанную обратную связь. Сетевой код поведения включает вуайеризм. Большинство участников сетевого взаимодействия – только наблюдатели и критики. Зависть, характерные для детского нарциссизма с его беспомощностью, одно из чувств, которые связывают тайных наблюдателей со «звездами». «Вначале я была ее фанаткой, но потом я поняла, что это за ужасный человек!» (из сообщений на Фейсбуке). Презрение, скрытая, накапливаемая агрессия публики по отношению к «звездам» – защитная реакция от чужой известности, а по сути от своей безвестности, понимания слабости своего Я, непреодоленного страха индивидуализации, одновременно желания и страха прожить особенную, яркую жизнь. Сетевая агрессия возникает и нарастает как снежный ком в результате отсроченного пассивно-агрессивного типа реагирования людей с низкой самооценкой. До поры до

времени они только наблюдают, пока «зачинщик» не начнет открыто так называемый «холивар», горячую, чаще бесплодную полемику, цель которой – повышение статуса своей группы, утверждение ее авторитета и власти за счет агрессивного осуждения «изгоя».

Цель кибербуллинга – довести жертву до крайнего отрицательного возбуждения, спровоцировать гипертрофированную реакцию не только со стороны жертвы, но со стороны ее референтной группы, вызвать чувство стыда и унижения, деморализовать жертву, разрушить ее репутацию. Кибербуллинг эксплуатирует социальные страхи и потребность в привязанности. Исключение из значимой группы (exclusion/ostracism) может переживаться как социальная смерть и вызывать длительную депрессию у жертвы, и даже приводить к реальным суицидам, как мы видим это в случаях с подростками. Жертва и агрессор могут меняться местами, создавая созависимые связи, по типу реальных, с признаками привязанности, влюбленности, ненависти, но это только проективные, ложные связи, разоблачение которых – особая работа.

Социальные сети позволяют моделировать и структурировать социальное окружение. Социологи делят социальные связи на «сильные» (любовь, дружба, ненависть, зависть, ревность) и «слабые» (френды, фолловеры, подписчики). Именно «слабые» связи интенсифицируются в сети. Почему происходит такое парадоксальное развитие событий? Может, потому что «слабые» связи предполагают меньше ответственности и более общие критерии выбора партнера (стиль, интересы, реакции на важные события, убеждения)? Слабые неопределенные связи, мы считаем, создают почву для воображения и иллюзий, приводят к инфантильному регрессу, детскому нарциссизму.

Нарочитое игнорирование и обрывание контактов переживается так же, как изоляция в реальной жизни, и в ряде случаев снижает самооценку (Filipkowski, Smyth, 2012), или, говоря языком психоанализа, наносит травму отвержения. Эксперименты показали, что исключение из сообщества (бан)

снижает самооценку участника, делает более конформным в суждениях, толкает вступать в тематически связанные группы, чтобы реабилитироваться (Williamsetall, 2000). Эффект публичного осмеяния, наказания, оскорбления усиливается многократно по сравнению с частным face-to-face оскорблением. «Как через сильную линзу усиливается солнечный луч, который может прожечь дотла. К боли оскорбления добавляется горячий стыд перед другими» (из сообщений на Фейсбуке).

Умение совладать со стыдом и унижением приходит к нам в детстве по мере его сепарации от матери. Совладав со стыдом, человек обретает чувство реальности и ограниченности своих возможностей (Kernberg, 1995). И, напротив, отказавшись от стыда и унижения, человек подчиняется иллюзии грандиозности, которую испытывают дети в результате гиперпроекции на родителя. Сеть с ее безграничными возможностями символически заменяет потакающую мать. «Я здесь словно купаюсь в теплой ванной, комфорт и солнце» (из сообщений на Фейсбуке).

Социальное признание по-прежнему важная составляющая самочувствия человека, и он готов бороться за свою репутацию. «Самая страшная война идет за известность. Это не «лайки» ставят, это аплодисменты, которые могут перейти в овации, а могут разочаровать скудостью» (из сообщений на Фейсбуке). Насколько глубоко мы травмируемся в Сети, носят ли «отказы» поверхностный характер, или задевают более глубокие структуры личности, разрушая привычные защиты? Исследования показывают, что наиболее уязвимыми оказываются участники с нарциссическим расстройством или акцентуацией. Они активны в сети, чаще всего и являются «звездами», и вместе с тем нетерпимы по отношению к критике. Они не просто агрессивно реагируют на критические оценки, а начинают мстить или преследовать своих обидчиков. Однако их месть носит упорядоченный целевой характер, чаще всего нарциссы аккуратно избегают конфликтов с остальными участниками

сетевого общения, чтобы не потерять поклонников, в которых так нуждаются (Bushman, V. J., & Baumeister, 1998).

КИБЕРБУЛЛИНГ АКТУАЛИЗИРУЕТ АРХИТИПИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ

В сети складывается психоаналитическая ситуация особого рода: в ответ на агрессию актуализируется индивидуальное бессознательное, мобилизуются сознательные и рациональные психологические защиты жертвы агрессии. Но сетевая агрессия провоцирует и коллективные процессы, бурные обсуждения, похожие по своему накалу и иррациональности на всплески коллективного бессознательного. Событие может возникнуть вокруг сообщения одного персонажа. В это время он напоминает мифологического героя, которого преследует рок, как в древнегреческой трагедии. Хор, сетевое многоголосье, усиливает героя, столкнувшегося с непреодолимым злом, и подталкивает к роковым поступкам. Очень часто дискуссии в сети подчиняются фатальному сценарию, в котором участник обречен. «Я не успел и квакнуть, как налетели тролли с оскорблениями. В тот момент я понял, что песенка моя спета, и придется надолго уходить из социальных сетей, пока не забудут. В таких ситуациях лучше самоустраниться, то есть попросту сбежать!» (из сообщений на Фейсбуке).

Исторические аналогии, которые объясняют сценарии и последствия публичного истязания, можно обнаружить в истории публичных казней. Побие́ние камнями (лат. lapidatio – «забрасывание камнями, лапидация», от лат. lapis, lapidis – «камень») – вид смертной казни, применявшийся ещё древними иудеями и мусульманами, и до сих пор сохранившейся в шести мусульманских странах. Сходное наказание в имперских армиях Европы, когда солдата пропускали через шеренгу шпицрутенов. Медленная публичная смерть, когда любой может бросить в тебя камень или хлестнуть розгой. Распятие на кресте относится к тому же роду наказаний. Психологический смысл публичной «казни» в сети – в социальной смерти, приговору жить во враждебном окружении, где каждый тебе скажет

«Нет!», то есть ежедневно и многократно будет наноситься *травма отвержения*. Отвержение в реальных детско-родительских отношениях, пожизненный отказ в любви, приводит к ранним детским побегам, членовредительству, наркомании и даже суицидам. Фильм «Нелюбовь» (2017) Андрея Звягинцева, российского режиссера с международным признанием, о пропавшем бесследно подростке, от которого в процессе развода отказались все члены семьи, напоминает о психологической тяжести таких акций для детей. Агрессором, наносящим травму нелюбви, отвержения, может быть и родитель, и брат, и сестра, и аноним в сети.

Общение на Фейсбуке включает сходные наказания: появление оскорбительного поста, под которым поставят сотни «лайков», подтверждающих справедливость наказания; «бан» – отказ даже видеть у себя в ленте; троллинг, откровенная дезинформация, за которую придется оправдываться. «Бан – это немножко как смерть, когда банят тебя. Когда банишь ты, это немножко как убийство. Заканчивать большое дело или уезжать из хорошего места или прощаться с друзьями — это тоже как небольшая смерть» (из сообщений на Фейсбуке).

Любое агрессивное действие в сети вызывает очень сильную отрицательную, многократно, как эхо, повторенную реакцию. Сравнение «как эхо» напоминает мифологического Нарцисса и его спутницу Эхо, которая не нашла другого способа быть рядом с возлюбленным, кроме как вторить ему. Только вместо шлейфа подтверждающих восторгов, губительное эхо толпы, череда «избиений», которые обозначают не триумф, а восхождение на эшафот, с каждым «ударом» приближающие смерть идеального Я, схлопывание перспективы социального признания («Ты никогда не будешь знаменит!»), и приговор инфантильному Я («Ты никогда не будешь счастлив!»). Вместо нарциссического подтверждения, насыщения, усиления, жертва публично переживает унижение. Ее идеальное Я обесценивается, получает «тысячу ударов плетью» по идентичности.

Сетевого агрессора все чаще называют троллем. Тролль или иной анонимный участник, который до поры до времени наблюдает за происходящим в сети, отмечая слабые места и накапливая «компромат» в расчете разрушить репутацию потенциальной жертвы, которая вызывает зависть. Он ненавидит и хотел бы устранить своего соперника, как Сальери Моцарта, и ищет только способ, как остаться при этом безнаказанным. Преследователь (агрессор) и жертва связаны завистью. Как считают психоаналитики, агрессор и жертва по-разному прошли развилку амбивалентной индивидуации. Один идентифицировался с родительской агрессией, другой – с родительской грандиозностью (Hotchkiss, 2003). Тролль рассчитывает на то, что агрессивных завистников гораздо больше, чем фанатов, достаточно только их возбудить. Точно так, Нарцисс, потенциальная жертва, за счет той же гиперпроекции любящего родителя на свое окружение, живет в уверенности, что все просто обожают его. И тот, и другой не преодолели свой эгоцентризм, не нарастили психологические защиты, остались уязвимыми.

Классический психоанализ определяет глубину публичной инфантильной травмы через понятие Самости – неосознанной, бесконечной и связанной напрямую с архетипами, субстанции, которая потому и не поддается однозначной интерпретации, что должна быть неприкосновенной. Самость – это предзаданная от рождения индивидуальность. Это самый главный архетип целостности Я, недоступен для осознания и понимания, тождественен Богу, трансцендентен. Самость обладает невероятной силой, и является источником энергии, что провоцирует даже зрелую личность регрессировать на стадию детского всемогущества (Kernberg, 1995). Регресс к Самости переживается как триумф и сопровождается физиологическим подъемом. Селфомания, когда человек с нарастающей частотой публикует в сети свои фото в разных ракурсах, не в силах остановиться, готов проводить часы в сети, рассматривая или размещая фотографии, ревниво относится к количеству просмотров и

«лайков». Это характерно для стадии вторичного детского нарциссизма, когда ребенок, едва разорвав путы симбиоза с матерью, этого рая для двоих, открывает в себе способность привлечь внимание и других людей.

Самость изначально обладает грандиозно-экспозиционной природой, и как первостихия, подстрекаемая божественными креациями, стремится к самореализации. Первыми фигурами внутреннего театра личности, которые являют миру грандиозное Я, оказываются герои мужского и женского пола, первогерои, которые представляют разные стороны Анимы и Анимуса, женского и мужского начала. Отношения между мужским и женским началом отражают общую противоречивость Самости, которая, с одной стороны, подобно мужчине-герою стремится к актуализации, индивидуации, с другой, подобно женщине-героине – старается защититься от насилия, всеми способами избежать его. Если мужское и женское начало не эмансипируются, индивид навсегда остается прикованным к Самости, подобно Уробосу, мифическому змею, заглотившему свой собственный хвост, подобно Нарциссу, который боится встретиться со своим изображением, чтобы не умереть, но встретившись с ним, принимает за девушку и уже не может отвести глаз (Schawartz-Salant, 1986). Очевидно, в сети фиксируются все фазы развития личности – от первичного нарциссизма к формированию Анимы и Анимуса, их сепарации – к созданию групп не только по интересам, но и по признаку пола и возраста, а далее – к тематическому единству участников разных полов.

СПОСОБЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ

Жизнеспособность человека может определяться соотношением давления факторов риска и устойчивостью защитных механизмов (Masten, 2012). По сути кибербуллинг, дискредитация – это нарушение, насильственная, против воли человека, ломка психологических и социальных защит, к которым относится хорошая репутация и идеальное Я. Некоторые люди склонны «забывать», вытеснять или отрицать неприятности, и со временем даже и не вспоминают неприятные

события, несмотря на огромное количество очевидцев их падения. Так Хилари Клинтон вовсе не погибла как публичная фигура после мучительного именно для нее скандала с Моникой Левински, растиражированного СМИ, напротив, ее карьера только расцвела.

Звезды шоу-бизнеса, а политики сегодня к ним относятся, очень часто переживают *нарциссическое расщепление* – такое противопоставление идеального и реального Я, при которых все ресурсы телесного, земного Я подчинены грандиозному медиа-проекту, демонстрации публике своих необычных способностей, красоты, сексуальности, креативности. Задача такого человека не только убедить, но и постоянно напоминать публике о своей значительности, влиятельности, всемогуществе, исключительности, принадлежности к миру избранных. Демонстрация сверхчеловеческих способностей, неотразимости, богатства отнимает все силы и время. При этом закулисная жизнь «звезды» может быть монотонной и скучной, и проходить в полном уединении и аскезе (Scarborough, Bailenson, 2014).

Когда пытаются нанести урон репутации такого человека, он может испытать *нарциссический гнев*, и выбрать изоляцию в качестве образа жизни. Это хорошо показано в фильме «Гражданин Кейн» (1941), прототипом героя которого был медиамагнат Херст. Огромный дом, в котором проходят последние пятнадцать лет медиамагната, знаменитый Ксанаду, панорама которого открывает и венчает собой фильм, всего лишь башня из слоновой кости, самозаточение, чтобы избежать любых проникновений, нападков, стать невидимым и неуязвимым для широкой публики. При таком перераспределении физических и психологических ресурсов и возникает расщепление Я, с последующими пресыщением удовольствиями и отказом от потребностей физического Я, снижением чувствительности, *десензибилизацией*. Известно высказывание Фрейда: «Депрессия – это замороженный страх». Но точно такой же путь проходят современные подростки, стремясь «отморозиться», скрыть от других чувства, намерения и страхи.

Неотреагированная через публичный гнев и возмущение эмоция остается травмой и содержит в себе судорожную готовность к действию, разрешение на которое отсрочено и ждет своего агрессивного продолжения. Застывший в глазах ужас создает особую оптику у таких клиентов. Их глаза кажутся стеклянными, взгляд расфокусирован, его трудно поймать. Они как бы не хотят больше видеть реальность, которая несет в себе столько боли. К таким же сенсорным последствиям относятся и глухота, потеря вкуса и резкое обеднение тактильных переживаний, так, что человеку кажется, что он уже ничего не чувствует и даже умер. Чтобы вернуть чувствительность некоторые подростки занимаются членовредительством, делают порезы на теле, жесткие тату, увеличивают дозу алкоголя или наркотиков, то есть пытаются реанимировать привычное ощущение жизни, чтобы «врубиться» в нее снова. Но те, кто идет до конца, начинают думать о суициде.

В предельном выражении образ, маска отделяется от человека, превращается в отдельный, несовпадающий по характеристикам и даже биографии, персонаж – симулякр. Теория симулякров Бодрийяра напоминает нам, что для обывателя политические звезды на самом деле нечто вроде световых инсталляций, в их представлении они никогда не испытывают боли, унижения, как простые люди. Публика редко видит слезы и растерянность в их глазах, они ведь полубоги, наделенные особыми привилегиями и свойствами. Люди нуждаются в неуязвимых и всепобеждающих героях, объясняя успех избранных мистическими причинами, невероятной удачей, случаем рождения, божественным даром, игрой судьбы, которая благоволит не ко всем (Baudrillard, 1994). Маска, сетевой образ, симулякр могут моделироваться СМИ вплоть до демонстрации противоположных свойств и даже предъявления публике двойников. Таким образом, ложное нарциссическое Я становится объектом специального производства.

Пользователи самостоятельно пытаются моделировать техно-Я (Technoself), занимаясь самопрезентацией, сохраняя, по возможности, анонимность, и используя *несколько* идентичностей (Luppicini, 2013; Dunn, 2013). Однако, сколько нужно человеку идентичностей, чтобы почувствовать себя уверенным и защищенным, происходит ли при этом нарциссическое расщепление или насыщение, насколько маска отличается от реального человека, остается малоизученным. Ясно одно: способы защиты против публичных оскорблений должны носить такой же публичный характер.

ВЫВОДЫ

Для анализа феноменологии сетевого поведения, в частности, кибербуллинга, очень важными оказываются два понятия – агрессия и нарциссизм. В этой статье впервые они связываются. Сетевой агрессии часто предшествует нарциссическое расстройство личности. Но именно нарциссы и являются наиболее уязвимыми. Нарциссизм рассматривается нами как социальная эпидемия, заразительный, поощряемый в сети образ демонстративного поведения. Агрессия – способ защиты. К анализу психологических последствий сетевой агрессии и нарциссизма применимы старые психоаналитические концепции и культурологические интерпретации.

Умение вести себя в Сети, использовать ее коммуникативные ресурсы для профессиональных и личных целей, не нанося ущерба другим и не подвергаясь остракизму, становится одним из новейших навыков жизнеспособности и критерием медиаграмотности (Маховская, Марченко, 2014). Участники взаимодействия дифференцировано подходят к сетевой информации: только 8 процентов молодых, до 24 лет россиян не критичны, выражают высокое доверие к сети (Шаповалова, 2015). Это недоверие и критичность, на наш взгляд, ресурс совладания с негативными сетевыми феноменами, включая нарциссизм и агрессию.

Литература

Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2014. Т. 11. № 3. С. 178–191.

Нестик Т.А., Соснин В.А. Современный терроризм. Социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. *Маховская О.И.* Коммуникативный опыт личности. М.: Издво «Институт психологии РАН», 2010.

Маховская О.И., Марченко Ф.О. Дети и телевидение: история психологических исследований и экспертизы. М.: Инфра-М. 2014.

Стресс, выгорание, совладание в современном контексте. Монография. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2012.

Шановалова И. С. Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 148–151.

Barlett C. P., Gentile D. A, Nanyang Ch. Predicting Cyberbullying From Anonymity . Psychology of Popular Media Culture, 2014, Vol. 5, No. 2, P. 171–180.

Baudrillard J. Simulacra and Simulation (The Body, In Theory: Histories of Cultural Materialism), University of Michigan Press; 14th Printing edition.1994.

Bushman, B. J., & Baumeister, R. F. Threatened egotism, narcissism, self-esteem, and direct and displaced aggression: Does self-love or self-hate lead to violence? //Journal of Personality and Social Psychology. N 75. 1998. P. 219–229.

Character Assassination throughout the Ages / Editors: Icks, M., Shiraev, E. (Eds.) Palgrave Macmillan US, 2014.

Dunn R.A. Identity theories and technology // Handbook of research on Technoself: Identity in a technological society / Ed. by R. Luppicini. Hershey, PA: IGI Global, 2013. Vol. 1. P. 26–44.

Filipkowski K.B., Smyth J.M. Plugged in but not connected: Individuals' views of and responses to online and in-person exclusion // Computers in Human Behavior. 2012. Vol. 28. P. 1241–1253.

Gray Nicola J., The Adolescence of the Web—From Turbulence to Enlightenment //Journal of Adolesents health, February, 2011.Vol. 48, Issue 2, P. 117–118.

Hotchkiss, S. Why Is It Always About You? : The Seven Deadly Sins of Narcissism, 2003.

Kowalski R. M., Limber S. P., Agatston P. W. Cyberbullying: Bullying in the Digital Age/ Chichester: Willey-Blackwell, Edition 2, 2011.

Luppicini R. The Emerging field of Technoself studies (TSS) // Handbook of research on Technoself: Identity in a technological society / Ed. by R. Luppicini. Hershey, PA: IGI Global, 2013. Vol. 1. P. 1–25.

Olweus D. Victimization by peers: Antecedents and long-term outcomes. Social Withdrawal, Inhibition, and Shyness in Childhood. New York, Psychology Press.1993. P. 315–341.

Willard N. Cyber bullying and cyberthreats: Responding to a challenge of online social cruelty, threats, and distress. Champaign, Research Press, 2007.

Kernberg O., Borderline Conditions and Pathological Narcissism. New York: Jason Aronson; 1975.

McWilliams W., Christ and Narcissus: Prayer in a Self-Centered World. Scottdale, Pa. : Herald Press. 1992.

Masten A. S., Narayan A. J. Child development in the context of disaster, war and terrorism: Pathways of risk and resilience // Annual Review of Psychology. 2012. V. 63. P. 227–257.

Schawartz-Salant, N., Narcissim and Character Transformation. The psychology of Narcissistic Character Disorders, (Studies in Jungian Psychology by Jungian Analysts), Inner City Books, 1986.

Scarborough J.K., Bailenson J.N. Avatar Psychology // The Oxford handbook of virtuality / Ed. by M. Grimshaw. New York, NY: Oxford Univ. Press, 2014. P. 129–144.

Solove D.J. The Future of reputation: Gossip, rumor and privacy on the Internet. New Haven, CT & London: Yale Univ. Press, 2007.

Twenge J.M. and Campbell W. K. The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement, Personality Psychology: Understanding Yourself and Others, The Handbook of Narcissism and Narcissistic Personality Disorder: Theoretical Approaches, Empirical Findings, and Treatments, 2010.

**INTERNET AGRESSION AND NARCISSISM: DEVIATIONS AND
MISREPRESENTATIONS OF PERSONALITY**

O.I. Makhovskaya*, F.O. Marchenko**

* Candidate of Psychological Sciences, Senior Researcher of the Laboratory of Psychology
and Psychophysiology of Creativity

Institute of psychology, Russian Academy of Sciences

** Candidate of Psychological Sciences, research associate of the Higher School of
Economics

This article includes analysis of social and psychological effects of cyberbullying, online insults. The depth of injury is greater than previously assumed in studies of destruction of important social relationships and the reputation of a person. The consequences of public insults can be described in terms of the narcissistic trauma of rejection. Narcissism is considered as a social epidemic. Some of the most obvious ways of psychological protection against public insults were described.

Key words: cyber bullying, methods, aggression, narcissism, trauma, defense mechanisms, archetypes